

ПЕРСОНАЖИ ДЕМОНОЛОГИИ В СЛАВЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Кузнецова И.В.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра методики начального образования,
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Ключевые слова: фразеология, славянские устойчивые сравнения, духовная культура, мифология, персонажи демонологии, этимология

Одной из составляющих духовной культуры является мифология – первоначальная форма культуры, доминирующая в духовной жизни наших предков, отражающая универсальное и своеобразное видение ими окружающего мира. Костяк мифологических представлений сложился в праславянскую эпоху, поэтому в разных культурных традициях славян есть общие персонажи демонологии (например, черт) и тождественные или близкие по образности устойчивые сравнения (УС). Но основные функции, действия, свойства, формирующие образы демонологических существ, развивались и изменялись, как и сами персонажи. Так, у русских, на востоке Украины и северо-востоке Белоруссии духи природных локусов – водяной и леший – это мифологические персонажи-хозяева, «владеющие определенным пространством, регламентирующие всю жизнь в нем и распоряжающиеся его богатствами». В западнославянской культурной традиции природные локусы не имеют своих духов-хозяев; населяющие их персонажи осмысляются не как покровители локусов, а просто как их обитатели [СД 1: 155, 156]¹. Рассмотрим общность и различие в представлениях славян на примере таких демонов, как оборотень и вампир.

Вообще способностью к оборотничеству – колдовскому превращению, при котором персонажи нечистой силы или «знающие» люди меняют свою ипостась, обладают многие мифологические существа, но в УС, отражающих эти превращения, фигурируют лишь некоторые из них: серб. обрнуо се као вештица² у свој род [СМР: 64]. В русском языке немало УС с компонентом оборотень: рус. как оборотень ‘о человеке, изменившем свои убеждения, принципы, веру’; вести себя (жить) как оборотень ‘напоминать поведением, образом жизни оборотня’, вести себя (быть) как оборотень ‘о ком-, чем-л. непостоянном, изменяющемся’; смотреть как на оборотня, воспринимать как оборотня ‘воспринимать кого-, что-л. как непостоянное, переменчивое’; неуловимый как оборотень ‘о постоянно избегающем встреч, неуловимом человеке’; глаза как у оборотня ‘навыкате’; страшен как оборотень ‘о человеке с внушающей страх внешностью’; новг. как злой оборотень ‘о лицемере, лжеце’.

По поверьям, оборотнем можно родиться, стать им добровольно или против воли (в результате порчи, колдовства и т.п.). В последнем случае в его названиях присутствует префикс пере-: арх. (пинеж.) непостоянный как перевёртыш³ ‘о неверном человеке, легко меняющем планы, намерения, убеждения’. На русском Севере «в бранном употреблении отмечен ряд наименований оборотней: обе-

тыш, обертенъ, обертун, обертыха, опрокидень, перевертенъ, перевертух, перекидчик, переходень» [Черепанова: 15], но УС с ними нет.

Популярен в индоевропейской мифологии волко(д)лак⁴ – человек-волк, оборотень, превращающийся или превращаемый с помощью колдовства на какое-то время в волка. УС дают представления о внешности, нраве, образе жизни и пристрастиях этого персонажа демонологии: рус. наводить страх (вызывать ужас) как [злбный] волколак (ср. с нем. sich verhalten (sein) wie ein Werwolf ‘быть жутким, зловещим, опасным, наводить ужас; вести себя жестоко, бесчеловечно’); смол. ходить как вовкулак, бел. ходзіць як ваўкалак ‘с угрюмым видом’; укр. живе як вовкулака ‘замкнуто, в одиночестве’; лемк. зароснутый як вовкораб ‘очень заросший’; позерати як вовкораб ‘смотреть с неприязнью’; бел. бы ваўкалака шнырыць; спрыкрыўся як ваўкалака; польск. zażarty jak wilkołak ‘о злобном, жестоком человеке’; oczy mu się świeciły jak wilkołakowi ‘о горящих, светящихся глазах’. Считалось, что волколак становился упырем [МНМ 1: 243]. Образ волколака часто смешивается с образами вампира, или ведьмы: по украинским поверьям, «упыри нарождаются от блудной связи вовкулака или черта с ведьмой» [Афанасьев 3: 557]: Упир і непевний – усім відьмам родич кривний. По ряду признаков сближается с вампиром укр. босорка (босоркня) ‘ведьма, колдунья’ (ср. с босоркун ‘упырь’), польск. strzyga – ‘ведьма’ (слвц. striga) и ‘упырь’. В Сербии вукодлаком называют вампира [СМР: 50], ибо он вобрал в себя основные признаки последнего, что отражено в УС сисати крв као вукодлачица. В болгарской традиции врьколак совмещает представления о вампире и о человеке-оборотне [СД 1: 418]; слова вампир и вльколак с их диалектными вариантами считаются синонимами.

1. Фразеологический материал см. в: Кузнецова 2006; 2008.

2. Персонаж, совмещающий черты реальной женщины и демона, близкий з.-сл. и в.-сл. ведьме, но в большей мере – вампиру (пьет кровь людей и животных, поедает сердца и т.д.).

3. Перевёртыш – перекидыш, вовкулака, оборотень, опрокидень [Даль3: 91].

4. Болг. вълколак, вълкюдлак, врьколак; враколак и др.; серб. вукодлак и др.; ст.-сл. влькодлак, вурколак; в.-луж. wjelkoraz; слвн. volkodlak; слвц. vlkolak; чеш. vlkodlak; англ. wer(e)wolf; голл. weerwolf; лит. vilkolakis; фр. loup-garou и др. Номинация в славянских языках восходит к волк + ю.-сл. длака ‘волосы, мохнатая шерсть; шкура’ [Фасмер 1: 338-339]; другая гипотеза связывает второй корень с балто-слав. *dlak(i)as ‘медведь’ [МНМ 1: 242-243; Николаев: 42] – ср. с поверьями, что волколак – это колдун, способный превращаться в волка или медведя [Афанасьев 3: 532] – ср. с англ. werebeast ‘оборотень-медведь’. Детально рассмотрение всех этимологий содержит работа Вяч. Вс. Иванова «Балканские имена “вурдалака” и их происхождение».

Т.к. вера в упырей (вампиров)⁵ связана с представлениями о ставших демонами «нечистых» покойниках, то часть УС с этими персонажами характеризует человека с бледной, синюшной кожей: рус. посинеть как вурдалак⁶; носить как бледный вампир; [бледный] как упырь; польск. *blady jak upiór* (*wampir*). Они пьют кровь у своих жертв, отсюда другая характерная особенность – красное лицо (рус. лицо [красное] как у вампира; укр. червоний мов опир; болг. зачервил се като вампирин; серб. зацрвенио се (поцрвенио) као вампир; хорв. *crven kao vampire*; польск. *czerwony (być czerwonym, czerwienić się) jak upiór*; кашуб. *czerwony jak wieszczzi*⁷; *miec czerwone róże jak wieszczzi*, губы: рус. губы (уста) красные (кровавые, яркие) как у вампира; губы [пылают (накрашены)] как у вампира; облизывать губы как вампир (упырь), а также глаза (рус. глаза красные как у вурдалака; болг. зачервявам/ зачервя очи като върколак. По представлениям болгар, вампир черный или имеет кровь черного цвета: черен като вампир. Южные славяне часто представляют вампира раздутым, в виде мешка, т.к. у него вместо тела кожа, наполненная кровью жертвы: серб. дебео (надути се) као тенац⁸. По поверьям, это бескостное существо с огромными глазами: черногор. очи вечи ка да ће се потенчи /глаза большие, как будто хочет стать вампиром/; избечио ка тенац /вытаращился как вампир/. Другая особенность его облика – острые зубы: рус. зубы [острые] (клыки) как у вампира; (зубы, резцы, ногти) как клыки [у] вампира. Характеризуют облик демона и УС: рус. [страшный] как упырь ‘об ужасающе бледном, страшном человеке’; выглядеть как вампир ‘о бледном, с темными кругами под глазами человеке’; польск. *brzydki (wyglądać) jak upiór* ‘выглядеть ужасающе’ (ср. с нем. *jmdn. fürchten wie einen Werwolf* ‘очень бояться кого-л.’).

Вампир появляется незаметно: рус. являться кому (по-являться где, проникать куда) как вампир (упырь); серб. појавити се као вампир и ночью: рус. бродить (блуждать,

ходить) как упырь ‘о бесшумно расхаживающем (обычно в непривычное время) человеке’; болг. ходя като вампир (та-ласъм⁹) ‘бродить до поздней ночи и не ложиться спать’; в.-луж. *z wječora wuchadźeć kaž njeturug* ‘бродить по ночам’. По поверьям кашубов, он ходит от дома к дому, стучит в окно и спрашивает: «Эй, вы спите?»; при утвердительном ответе упырь говорит: «*Sp’ita na v’ek’i*» /спите вечно/ и выпивает кровь у обитателей дома, что мотивировало УС *spi jakbë go ori*¹⁰ (*v’ešči*) *zamówi* /спит, будто его вампир заговорил/. С рассветом упырь возвращается в могилу: рус. исчезать как вампиры на свету ‘о чем-л. неприятном, исчезающем из памяти’. Образ жизни и характер персонажа отмечают УС: рус. как упырь ‘кровожадный, жестокий’; смотреть как вурдалак ‘недоброжелательно’; наброситься как вурдалаки ‘накинуться на кого-л. с руганью, кулаками’; накинуться как вампиры ‘наброситься на кого-л. с целью получения информации, ответов на вопросы, интервью и т.п.’; карел. нахмуриться как упырь ‘о мрачном человеке’; бел. сядзіць [адзін] як вупар ‘о нелюдиме’; слов. *je neodbytný ako upir* ‘о навязчивом человеке’. Один из мотивов поверий о вампире – его способность летать: серб. разлетјеше [се] као упири на све стране свијета; кашуб. *latac jak wieszczzi*.

УС отмечают ненасытность демонов-кровососов, способ и манеру есть: рус. ненасытен как вампир (ср. с нем. *hungrig (Hunger haben) wie ein Werwolf* ‘очень голодный’); присосаться как вампир ‘о назойливом человеке’; впиться/впиваться как вампир – 1) ‘о комарах’, 2) ‘о пронизывающем холоде’; [есть (рвать зубами что)] как упырь ‘есть жадно, алчно’; болг. ям като вълколак (върколак) ‘об обжоре’ (ср. с нем. *er frisst wie ein Werwolf*). Тексты позволяют вычленить УС впиться/впиваться во что как вампир (упырь) с семантикой ‘плотно прильнуть губами к какой-л. части тела; страстно целовать’, не зафиксированное словарями русских сравнений: Лобзая Зенеиду, князь впивался в цветущие её прелести, как костлявый упырь в живое тело... [Садовский Б.А. Лебединые клики. 1911]; И после такого предисловия он поцеловал Аглаю в левую щеку и в правую, а потом, как вампир, впился в губы... [Войнович В. Монументальная пропаганда. 2000]; Её шея оказалась очень близко, и он впился в неё как вампир [Устинова Т. Большое зло и мелкие пакости. 2003]. Кровь в народных представлениях средоточие и символ жизни; кровососные демоны пьют ее у своих жертв для поддержания своей жизненной силы: бел. *мае смак бы да коней ваўкалак*; кашуб. *wëdzrzy jakbë z niego wieszczzi wszëtka krew wëścòl* ‘о¹¹ худом, бледном, измученном человеке’.

9. Демон в облике человека, о котором нет единого представления: это и вампир, и дух мертвеца, способный превращаться в разных животных, и злой дух, происходящий из строительной жертвы, заложенной в основание строения или клада, и охраняющий их от посторонних и разрушения; в некоторых местах он идентифицируется с самодивой или со стопаном.

10. Кашубы различают два вида вампиров: *wieszczzi* и *op’i* (восходит к *orip/ *orup и родственно рус. вампир, упырь; укр. вапир, упир, опыр; бел. (в)упор; болг., с.-х. вампир; польск. *wampir*; *opri*; кашуб. *urow*; чеш. *upir*). Первый высасывает кровь у своих родственников, второй – у всех спящих [Treder: 84].

11. УС образовано по той же модели, что и серб. *као да су га вештица сиса [обноћ]*; *malaksao kao da su ga svu noc karakondžule jale*; *као да су га гује пиле*; хорв. *као да га гује рји*; чеш. *chřadla, jako by ji zmije pily*; польск. *blady jakby go wszystkie mory po nosach suskały*; кашуб. *wyglóndo jakby go mora [całóm noc] suskała* и т.п. и отражает взгляд на плохое физическое состояние человека как результат вредоносного воздействия демонов-кровососов. Ср. также с пск. выпитая кровь ‘слабый, хилый; измученный человек’; болг. *бозала го морава*; серб. *појела га ноћница*; *да га ноћнице сисају (пију)*; чеш. *je (zůstal), jako když mu vycedí (z něho vypumpuje) krev* ‘очень бледный’.

5. Названия не имеют однозначной этимологии: восходят к прасл. *orip или *orup; реконструкция формы затруднена. В первом случае слово сближается с с.-х. *пирити* ‘дуть’, *парить*, *луче*; во втором – с *netorug ‘ночной летун’: **neto-* производится от *ночь* **reg-* ‘лететь’. Нетопырь – вид летучей мыши, сосущей кровь у животных и связанной в мифологии с нечистой силой: ведьмами, колдунами, вампирами – ср. с слов. *Upiry druhi netopiera*. Вампира в летучей мыши видят и другие славяне. По другой теории *orup – ‘не преданный огню (о трупе)’ (префикс отрицания + *руг* ‘огонь, гореть’): существовало поверье, что душа усопшего «сохраняет к своему телу прежнюю привязанность», входит в него, оживляя таким образом покойного и поднимая его из гроба; окончательно она освобождается при превращении оставленного ею тела в прах. Посмертную связь души с телом может прервать сожжение, осмысляемое прежде не как казнь вампиров, а как забота об успокоении души, очищении ее огнем и «вводнении в райских обителях» [Афанасьев 3: 581]. При сближении наименования с *пить* («вампир будет означать опойцу, существо, которое впивается в живое тело и сосет из него кровь как пиявка. Хорутане именуют вампира *rijavica*; о человеке с красным от опьянения лицом сербы выражаются: “црвен као вампир”; и сербы, и словаки горького пьяницу обзывают *vlkodlak* ‘ом» [Афанасьев 3: 563]. Нет единого мнения о том, откуда заимствована русским языком форма *вампир*: из западноевропейских языков [Фасмер 1: 271; Виноградов: 463] или южнославянских [Черных 1: 133-134], где существует большое количество диалектных номинаций демона.

6. В русском языке волколака первым назвал вурдалаком А. Пушкин [МНМ 1: 243], совместив образ оборотня с мертвецом, выходящим ночью из могилы, чтобы сосать кровь спящих.

7. Древним названием волколака у славян было слово от *vědati* ‘знать’ [МНМ 1: 243], подчеркивающее обладание особыми знаниями, хотя кашубам известно УС *obartniec jak wieszczzi* ‘сильно поглупеть’.

8. Серб., черногор. *тенац* – одно из наименований вампира; номинация выводится из роман. *tendere* ‘противо-борствовать’ [СД 1: 283].

Наименования кровососных демонов служат характеристикой алчного, корыстолюбивого человека, безжалостного эксплуататора, вымогателя, притеснителя: рус. как упырь; чеш. je jako upir; ввод их в состав фразеологической единицы (ФЕ) усиливает образность, экспрессию: рус. пить (сосать/ высосать [всю]) кровь из кого, чью [как вампир]; польск. pić (wysysać) krew [jak wampir] ‘мучить, притеснять кого-л., глумиться над кем-л., жестоко эксплуатировать’. Считается, что вампиры сознательно или подсознательно тянут энергетику из окружающих, поэтому русский оборот, как и УС пить жизнь кого, чью как вампир ‘о жестоком, лишаящем жизни окружающих человеке’, относят и к энергетическому вампиризму, что влияет на семантику ФЕ¹². Слово характеризует не только человека, высасывающего из кого-л. душевные силы, опустошающего его (рус. измотать кого как вампир), но и применяется к не-лицу: польск. straszne sny jak wampiry wysysali ze mnie resztki sił.

Один из оберегов от вампира – чеснок: макед. бега ко вампир од лук¹³. Для уничтожения демона в его грудь или могилу надо вбить кол, откуда инд.-авт. бояться как вампир осинового кола [Баконина М. Девять граммов пластита. 2000]. Убить его можно и с помощью серебряной пули¹⁴.

Другой фактор, существенно повлиявший на образование славянских этнокультурных ареалов с заметно отличающимися друг от друга мифологическими системами, – заимствования демонологических персонажей из соседних неславянских мифологий (напр., балканская (х) ала из турецкой демонологии, западнославянский кобольд – из германской). Это не могло не отразиться на корпусе фразеологии. Приведем примеры.

(Х)ала – зооморфный атмосферный дух, предводитель градовых туч в южнославянской демонологии. В Косове (х)алу представляют с хвостом, спускающимся до земли,

12. Ср.: Тем не менее я должен копить творческую энергию, иначе мне нечем будет «питать» артистов во время репетиции. Не зря же говорят, что актеры пьют кровь из режиссера, как «вампиры». И это нормально: заряжа-ясь от меня, они потом эту энергию отдают зрителям. [Лебедина Л. Юрий Еремин: Чувствую себя кочегаром // Труд-7, 2004.08.24]; Бабушка, у которой судьба сложилась неудачно, как вампир, пьет жизнь 8-летнего Саши. [Хрусталева С. и др. Философия криминалу не помеха! // Комсомольская правда, 2003.12.02]; Каждое движение, жест, само тело отца Александра были живы, наполнены этим животворящим Духом. [...] Так вот почему он так тянет к себе нас, полумертвых! Мы, как вурдалаки, питаемся его жизненностью. [Масленикова З. Жизнь отца Александра Меня. 1992]. Заметим, что УС сосать (высасывать/ высосать) что как вампир в наши дни относится и к интеллектуальному вампиризму: – Тебе и слова сказать нельзя, информацию сосешь, как вампир [Козырева Е. Дамская охота. 2001]; Он как интеллектуальный вампир – приглашает людей и вы-сасывает их мозги [Кичин В. Над роботом слезами обольюсь? Киберфильм Фабрика-Спилберга так и не на-шел ответа // Известия, 2001.07.06].

13. УС образовано по модели «убегать (бояться) + как + демоническое существо [от] берега – ср. с кашуб. usekas jak čarown'ica pŕed zarǎlonim jałowca /досл. избегать как ведьма зажженного можжевельника/; bojec se jak czarownica szatlachu /досл. бояться как ведьма крушины/ и т.п. Поверье о чесноке (луке) как апотропее известно многим народам, но источником УС в других языках оно не стало, хотя живуче до сих пор: В моей гостиничной комнате чеснок разложен по всем углам – как от вурдалаков (смеется). [Бойцов К. Бронза дуэлетом. Максим Чудов и Альбина Ахатова заняли третьи места в спринтерских гонках // Советский спорт, 2006.01.20]. В этом проявляется принцип избирательности фразеологии.

14. Ср. обыгрывание этого мотива в текстах: С микробами и плесенью почти все производители борются се-ребром. Как с вампирами. [Смирнова Ю. Говорит и показывает холодильник // Комсомольская правда, 2007.08.22]; Во время фильтрации воздуха она уничтожает бактерии с помощью ионов серебра, прямо как вампиров. [Крылова В. Пылесосы выискивают аллергии и убивают микробов // Комсомольская правда, 2007.10.03].

и с головой, упирающейся в небо [СМР: 4]. В период дозревания жита (х)ала наиболее вредоносна и, вызывая непогоду, уничтожает посевы, что мотивировало появление УС: болг. боря се (бия се) като хала с берекет; серб. борити се (бије се) као (х)ала с бериџетом (летином); хорв. boriti se kao ala s beričetom /досл. бороться (биться) как (х)ала с урожаем/ – ‘вести тяжелую борьбу, сражаться изо всех сил; упорно отстаивать что-л., настаивать на чем-л.’. На Балканах известна и ламя¹⁵ – змееподобный злой дух, обычно с собачьей или лошадиной головой, чудовище, обитающее в воде или воздухе и приносящее бурю, непогоду [СД 3: 78]. Ламя и (х)ала необычайно прожорливы и ненасытны, алчны: болг. лаком (ненаситен) като ламя; ям като ненаситна ламя; ям [на поразия (на провала)] като ламя; отворил е уста като ламя; плюском (лапам, гълтам, нагъвам) като ламя (хала); диал. зинал сџм като ламя; серб. ждере као (х) ала; диал. једе како ламња.

Вједогоња¹⁶ – атмосферный дух, борющийся со зловредными атмосферными демонами, очень силен: серб. јак као вједогоња; хорв. јак као вједогонја, как и его мифологические противники: серб. јак као ала. Ср. также с болгарским проклятьем, свидетельствующем о силе (х) алы: Халата да го строиши како некое дрво! /досл. Чтоб его (х)ала расколола как дерево!/.

К вредоносным атмосферным духам относится и двенадцатиголовая змея шаркань – известное в Карпатах чудовище в виде крылатого ящера, дракона, извергающее из пасти огонь и отличающееся злым нравом: лемк. злый як шаркань. Оно вызывает пагубные погодные явления и наносит ущерб хозяйству: словц. drúzga (láme) všetko ako šarkan /досл. крушит (ломает) все как шаркань/ ‘о вспышках гнева, ярости’. Его появление сопровождается громом: словц. prihrmel /= прогремел/ ako šarkan ‘очень быстро прибежал’.

Атмосферные демоны усердны в своей вредоносной деятельности: лемк. до роботы як шаркань ‘очень усерден в работе; лют, зол до работы’ (ср с чеш. je do práce (pracuje) jako drak; словц. je do roboty (robiť) ako drak); болг. работя като хала ‘работать чрезвычайно много и споро’. Вполне естественно, что атмосферные духи очень быстро летают, что мотивировало УС: болг. политам/ полетя като хала ‘мчаться/ помчаться вихрем’; язди (кара) [бясно (с бясна бързина)] като хала ‘ездить верхом (ехать на чем-л.) с бешеной скоростью’; профуча (= промчаться, пронестись с воем) като хала; нося се като хала ‘нести во весь дух’; втурвам се/ втурна се (нахлувам/ нахлуя, нахлътвам/ нахлъттам) като хала ‘влететь / влететь бомбой’; изскачам/ изскача като хала ‘вылететь/ вылететь бомбой’; хуквам [презглава] като хала ‘бросаться бежать сломя голову’; тичам като хала; словц. behať (beží, utekať) ako šarkan ‘очень быстро бежать (бегать, убегать)’; серб. лети као вједогоња; словц. letieť (priletieť, lietieť) ako šarkan ‘о быстром движении’.

15. Образ восходит к древнегреческой Ламии, дочери Посейдона и возлюбленной Зевса, пострадавшей от гнева ревнивой Геры, убившей ее детей. Превратившись в безобразное кровавое чудовище, Ламия бродила по ночам, ибо Гера лишила ее сна, пожирала чужих детей и пила их кровь – ср. с южновосточно-сербским ламња ‘обжора’. Змееподобный облик ламии соответствует древнегреческим описаниям Ламии как чародейки, способной превращаться в змею [МНМ 2: 36; СД 3: 78].

16. Черногор., зап.-серб. (в)једогоња – мифологический персонаж из категории двоедушников, человек или животное с демоническими свойствами, которые могут бороться с непогодой и защищать свои уголья от нападения других атмосферных демонов [СМР: 50, 139–141; 158].

Образ кобольда¹⁷ в представлениях славян Верхней Лужицы сформировался под влиянием европейской мифологии; взаимоотношения с ним основаны на принципах добрососедства: *čistota, jako by kubołćik wurjedził* /досл. чистота, будто кобольд вымел/.

Как часть плана выражения духовной культуры рассмотренные фразеосюжеты непосредственно связаны с планом содержания – с мифологией; следы культурной архаики УС сохраняют благодаря своей устойчивости, а фразеологические соответствия в разных языках во многом объясняются «универсализмом народной культуры в целом» [Подюков: 47]. Некоторые утраченные мифологические представления и забытые поверья сохранены в УС, переместившихся на периферию фразеологического корпуса в связи с деактуализацией, забвением лежащих в их основе верований и воззрений.

УС с демонологическими персонажами ярко иллюстрируют динамику в семантике и образной структуре ФЕ, возможность проследить которую дают разнообразные источники. Часть УС устарела, в то же время в XX в. появились новые ФЕ, что нередко связано с заимствованием. Фразеологические тождества и аналоги в разных языках объясняются генетическим единством славянской мифологии, обуславливающим наличие общих персонажей, представлений и сюжетов. Национальная и ареальная специфика в сфере фразеологии (на уровне модели или мотивирующего образа) связана с дальнейшим самостоятельным развитием отдельных мифологических систем и культурных традиций. Многие УС можно объединить в конкретные модели, в которых демонические персонажи варьируются. Межязыковые фразеологические синонимы и варианты часто иллюстрируют одинаковые прагматические функции, качества и действия, приписываемые как одним и тем же, так и разным персонажам мифологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. 1–3.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб, 1907. Т. 3.
4. Иванов Вяч. Вс. Балканские имена “вурдалака” и их происхождение. kogni.narod.ru/vurdalak.pdf
5. Кузнецова И.В. Духи локусов в русских устойчивых сравнениях // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 9. Тайбэй, 2006. С. 56–64.
6. Кузнецова И.В. Духи локусов в устойчивых сравнениях славян // Фразеология германских, романских и славянских языков. *Phraseologie germanique, romane et slave* : сб. науч. ст. Вып. 1. – Могилев, 2008. – С. 31–50.
7. МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия. М., М., 1980–1982. Т. 1–2.
8. Николаев С.Л. Один из типов названий хищных млекопитающих в северокавказских и индоевропейских языках // Балто-славянские отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983.
9. Подюков И.А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1997.
10. СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995–2004. Т. 1–3.
11. СМР – Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
13. Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I.
15. Treder Jerzy. *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym)*. Wejherowo, 1989.

17. Название восходит к нем. Kobold ‘домовой’, ‘гном’. Это маленькие человечки с красными волосами, бородами и шапочками, дружелюбные, но способные на каверзы; обитают как в домах, так и в пещерах, заброшенных штольнях; владеют большими сокровищами и быстролетною обувью; могут быть видимыми и невидимыми для человека. Они наблюдают, чтобы все по хозяйству было в порядке. Свое пристрастие к хозяину дома проявляют в том, что воруют для него сено и солому из конюшен и сараев соседей [Афанасьев 2: 78–79].

